

В Московской консерватории провел открытое занятие и дал концерт бельгийский виолончелист Аннер Бильсма — первооткрыватель барочного исполнения сочинений И.С. Баха и его современников.

«Отношение к Баху есть пробный камень для виолончелиста». Это высказывание великого **Пабло Казальса** как нельзя лучше подходит к современному состоянию преподавания этой музыки в России и в Москве. Проблемы уртекста (причем не одного, а пяти), аутентичного стиля исполнения, инструментария — во всем этом есть и дань моде, но главное — факт стиливого поворота в мировой музыкальной культуре в трактовке музыки барокко.

Для российских виолончелистов, десятилетиями воспитанных на великолепной редакции и, говоря шире, школе С. Козолупова, обращение к уртексту как к первооснове, изменение романтического стиля на иной, более современный, происходило и происходит очень болезненно. Мы отстаем, и весьма существенно. Психологически этот поворот сложен еще и потому, что советская исполнительская и педагогическая школа добилась огромных успехов и широкого международного признания в 40—80-е годы.

Поворот к аутентике не подменяет необходимость всестороннего владения инструментом, наличия одаренности студента, формирования музыкальной выразительности, яркости и содержательности игры. Этого необходимо добиваться на всех ступенях образования.

Основное содержание **мастер-класса Аннера Бильсм**ы в Московской консерватории — не подмена виолончели гамбой (жильные струны, отсутствие шпилья, плоская подставка, барочный смычок, держание смычка, низкий строй и т.д.), а **синтез богатейших выразительных возможностей современной виолончели с достижениями новейшей музыковедческой и исполнительской науки Западной Европы.**

А. Бильсма еще в начале 50-х годов стал пропагандировать барочный стиль исполнения Баха и его современников, сформировав за эти годы школу своих последователей в Нидерландах, Бельгии, Германии, Франции. Из наших музыкантов назовем **Ивана Монигетти,**

несколько лет назад интересно исполнившего сюиты в Москве (он трактовал цикл как библейские «Страсти»). Почувствительным является изучение Д. Шафраном редакции Д. Алексаняна в последние годы жизни. Недавно **Александр Князев,** впервые исполнивший шесть сюит в один вечер, сказал: «Уртекст — не редакция, но основа для изучения».

И вот, наконец, сам маэстро, внешне напоминающий Пьера Ришара, — в общении с московскими студентами и несколькими педагогами (кстати, по непонятной причине некоторые преподаватели принципиально проигнорировали это событие). Краткие, но емкие, полные игры ума, таланта, блеска чисто французского остроумия, замечания Бильсм не однократно вызывали аплодисменты аудитории. Слушая игру разных по одаренности, манере, степени подготовленности студентов, маэстро находил для каждого самые нужные слова, всегда тактичные, но очень глубокие: «*настоящий мастер не потеет*», «*воспитывайте память руки*», «*молодые играют часто быстрее, чем могут услышать*», «*действительное значение имеют только первые 10 минут урока*».

Надолго в памяти слушателей останется и концертное исполнение маэстро трех сюит Баха в Малом зале. Это была трактовка художественно совершенная, убедительная по стилю и, безусловно, мастерская в плане владения инструментом. Интересно, что исполнение маэстро тоже эволюционирует в последние годы в сторону большей яркости, концертности, т.е. синтезу барочных приемов и яркости виолончельных красок (показательно сравнение двух его CD с записью шести сюит).

В любом случае, мастер-класс Аннера Бильсм стоил многих уроков иных педагогов. За это событие в виолончельном мире столицы следует благодарить ректорат Московской консерватории, Посольство Нидерландов в Москве и лично Н. Гутман.

Алексей СЕЛЕЗНЕВ

Муз. обозрение. — 2000-ект. (№10). — С. 4